

— Советская власть не просто идет за мной, она во мне.

Фото из журнала «Домовой».

Акт первый.

Утро в день премьеры спектакля «Осенние скрипки». Номер «люкс» гостиницы «Октябрьская» в городе Санкт-Петербурге.

Журналист. Роман Григорьевич, вы всю жизнь пытаетесь убежать от Советской власти, а она постоянно следует за вами.

Режиссер. Это ты о чем?

Журналист. Посмотрите вокруг: вы приехали с премьерой в Санкт-Петербург — экс-Ленинград, остановились в гостинице «Октябрьская» и даже спектакль играете на сцене Дворца культуры имени Первой Пятилетки. Судьба!

Режиссер. Да, судьба, поэтому глупо убежать. Советская власть не просто идет за мной, она — во мне. Это с детства. Как только нас освободили...

Журналист. Нас — это кого?

Режиссер. Нас — это Западную Украину. Сначала коммунисты пришли осенью 39-го, а потом, когда фашистов прогнали. Два раза в мой родной Львов въезжали красноармейские танки, и нас добровольно присоединили к Советскому Союзу. Я, например, очень хорошо помню, как после войны в самом красивом дворце Львова, особняке графов Потоцких, открылся городской Дворец пионеров...

Журналист. Как полагается: все лучшее — детям.

Режиссер. Да, да! Я сразу побежал в этот Дворец, и первое, что там увидел, был фильм «Павка Корчагин». Я знать не знал, кто это такой, но кино меня ошеломило.

Журналист. Вы не знали Корчагина?

Режиссер. Ты что, сумасшедший? Откуда я мог знать, если даже говорить по-русски тогда не умел? Однако фильм меня потряс, и я сразу полюбил Дворец пионеров, этот первый в моей жизни островок Советской власти. Мне не хотелось отсюда уходить, и я направился в авиамодельный кружок: мне казалось, что я должен летать — строить самолеты, а потом летать. Мне дали моложок, пилу... Тридцати минут труда хватило, чтобы я навсегда оставил мечты о небе. Тогда из Дворца пионеров я отправился в оперный театр. Увиденное меня заворожило не меньше, чем Корчагин. Я стал постоянным клиентом оперного, быстро научившись бесплатно проходить мимо билетеров.

Действующие лица и исполнители:

Режиссер — исп. Роман Виктюк,
Получчик — исп. Ефим Шифрин,
Журналист — исп. Андрей Ванденко.

Роман

Пьеса в двух действиях.

ми: «Спасибо вам за тот священный удар». Так что Советская власть с ее линейкой в руке Васиной направила меня на путь истинный.

Журналист. Хотите сказать, что Советская власть вас только била?

Режиссер. Правильно не любят вас, журналистов, правильно! Вам бы только все перевернуть! Я о хорошем рассказываю, а вы плохое ищите.

Я помню публику, собиравшуюся на спектакли в оперном. Приходили советские офицеры со своими советскими женами. Обязательно в зале оказывалось несколько дам в ночных сорочках, пеньюарах, вытасненных из шкафов репрессированных и сосланных бандеровских подруг. Офицерские дамы чинно и гордо шествовали по золоченым лестницам в фойе, устраивались в партере. Пеньюары и правда были красивыми...

Журналист. По-вашему, это светлые воспоминания о советских женщинах, не способных отличить ночную рубашку от вечернего платья?

Режиссер. Разве я виноват, что они не видели разницы?

Советской власти я обязан и знакомством в юном возрасте с Западским, Раневской, Пляттом, Ма-

строю? Получается, что ее издали в 1977 году.

Режиссер. Отстань! Зачем ты меня перебиваешь? Может, сорок лет или тридцать. Это же ваша власть Советская, ты и считай.

Я навсегда запомнил удивленные глаза Марецкой, взявшей у меня эту книгу. Потом, много позднее, я пересказал Вере Петровне этот эпизод. Странно, но она не забыла папаненка, путающего польские, немецкие и украинские слова...

Если ты меня не остановишь, я буду бесконечно говорить о том времени. У меня ведь есть не только мои воспоминания. Фаина Георгиевна Раневская рассказывала мне, как встретила на львовском вокзале колонну украинцев, готовых к высылке в Сибирь, как протянула шедшей мимо женщине все свои деньги, а украинка ничего не взяла, сказав: «Я нищая, но не бедная». Потом Раневская не могла играть во Львове бабушку Олега Кошерева из «Молодой гвардии» — ей было стыдно перед зрителями...

Журналист. Вы как-то говорили, что вас давно преследует один и тот же кошмарный сон: хотите вспомнить фамилии главных молодоговардейцев, но не можете, по-

или нет? К счастью, об этом меня никто тогда не спросил, но страх, видимо, остался. А во ВГИК я в итоге не пошел, предпочтя ГИТИС, куда сдавал экзамены параллельно, тоже читая монолог Кошерева, но теперь уже Алле Тарасовой.

Так что Советская власть и актерский талант во мне открыла. Я всегда жил как бы двойной жизнью: воспитывался в религиозной семье, ходил в церковь и — брался за самые патриотические роли, первым шел на демонстрациях... Те же взаимоотношения с Советской властью у меня остались и по сей день. Ты говоришь: Ленинград, колыбель революции, ДК имени Первой Пятилетки. Тогда договаривай: я же здесь ставлю пьесу, олицетворяющую серебряный век русского театра. «Осенние скрипки» Ильи Сургучева имели в 1915 году невероятный успех. После революции автор эмигрировал в Париж, и о пьесе благополучно забыли на семь десятилетий. Я возвращаю ее в Россию.

Журналист. На премьеру будет Собчак, ваш давний поклонник?

Режиссер. Обязательно. Это единственный политик, с кем я общался и общаюсь.

Впрочем, нет, есть еще Анатолий Борисович Чубайс, которого я знал до всех его высоких постов.

Журналист. Вы продолжаете поддерживать отношения?

Режиссер. Конечно. Мы виделись несколько дней назад.

Журналист. На какую тему беседы беседовали?

Режиссер. Ни на какую. Но-второму, обязательно должно быть потребительское начало? Конечно, мне не помешала бы помощь, чтобы поскорее поднять переданное моему театру здание бывшего ДК Русакова в Сокольниках, но я не знаю, как и что у Анатолия Борисовича просить. Может, научишь?

Журналист. Нашли учителя... Тему Советской и всякой прочей власти закрываем, идем дальше. Ответьте, Роман Григорьевич, почему вас в Москве не видно? Чтобы интервью записать, приходится в Питер кататься.

Режиссер. Можно еще в Белград слетать, где я «Саломею» выпускаю, или в Израиль — мы там постоянно гастролируем.

Журналист. Окончательно продались Западу?

Режиссер. Не окончательно. У нас — полугодовой контракт с Израилем, который истекает летом. Мы помогаем бывшим соотечественникам утолить чувство ностальгии. По-моему, благородная задача. Там нас очень хорошо принимают, там прекрасные магазины «Рекордс», где много отличных компакт-дисков, там всегда теплая погода. Почему бы не съездить?

С ноября мы начинаем по той же схеме возить спектакли во Францию, за полгода покажем лучшее из последних работ.

Журналист. Впечатление, что вы устали от Москвы и только ищите предлог, чтобы уехать из этого города.

Режиссер. Глупости, все проще. Постановка спектакля — дело дорогостоящее, в Москве сложно найти деньги, поэтому мы едем туда, где расходы на себя берут организаторы гастролей. В столице остаются планы выпустить в «Современнике» «Месяц в деревне» с Мариной Нееловой. Доронина зовет во МХАТ. Надо готовиться и к открытию собственного театра.

А еще в этом году мы выиграли в Москве судебный процесс у Березкина, у человека, который попытался присвоить моих «Служанок». На протяжении двух лет он прокачивал спектакль по всей стране, не имея на то никаких прав. Березкин хорошо на мне заработал. Этому делу нужно было положить конец.

Он хорошо танцует в «Полонезе Огинского».

Журналист. Это как?

Режиссер. Я пристраивался к взрослой паре и изображал из себя культурного ребенка, идущего с родителями в театр. Потом я стал выдавать себя за бездомного, за такого сына полка. Мне верили, пропускали на спектакли. Однажды я увидел, как одетые в белые маечки и трусики ребята моего возраста поднимаются куда-то наверх, в репетиционный зал. На следующий день у меня была такая же форма, и я пошел вместе со всеми. Оказалось, это школа танца. У меня хватило наглости не спрятаться в конце, а стать первым. Учительница с недоумением смотрела на меня, не понимая, откуда взялся новый ученик. А я уверенно принялся выделывать разные па, которые подсмотрел на спектаклях, а потом отретпировал дома перед зеркалом. Разумеется, я двигался по-своему, и учительница (ее фамилия была Васиной) больно шлепнула меня линейкой по ноге, желая поправить. Я страшно обиделся и ушел из танцзала навсегда, чтобы потом всю жизнь доказывать Васиной, кстати, выпускнице Ленинградского хореографического училища, что знаю толк в танцах и что не зря балет — любовь моя.

Спустя годы я приехал во Львов, нашел Васиной, принес ей огромный букет роз и подарил со слова-

режкой. Знакомство — это, конечно, громко сказано. Великие артисты гастролировали во Львове, я разведал, где они живут, и по утрам бесцеремонно звонил в их двери, чтобы хоть на мгновение увидеть людей, на которых молился вечерами во время спектаклей.

Марецкой я даже подарил книжку «60 лет в строю», выпущенную к очередному юбилею Советской власти. Так и подписал: «Артистам театра Моссовета от ученика пятого класса Ромы Виктюка». Мне почему-то казалось, что именно этой книжки Вере Петровне не хватает.

Журналист. Вы уверены, что книжка называлась «60 лет в

тому что не прочитали роман до конца. Это правда?

Режиссер. Я никогда не вру... Была в моей жизни ситуация, которая могла спровоцировать тот кошмар. Когда я поступал во ВГИК, то читал монолог Олега Кошерева. А в приемной комиссии сидела Тамара Макарова, игравшая в кинофильме маму Олега. Я произносил текст так проникновенно, что расплакался в конце. Рыдала и Тамара Федоровна. В какой-то момент мне показалось, что я и есть Олег. Мы обнялись с Макаровой и стояли, как мать и сын, вспоминая погибших товарищей. И тут меня обожгло: я же не знаю, кто предатель — Стахович

— Я помню публику, собиравшуюся на спектакли в оперном. Приходили советские офицеры со своими советскими женами. Обязательно в зале оказывалось несколько дам в ночных сорочках, пеньюарах, вытасненных из шкафов репрессированных и сосланных бандеровских подруг. Офицерские дамы чинно и гордо шествовали по золоченым лестницам в фойе, устраивались в партере. Пеньюары и правда были красивыми...